

Дорогой Ермил, привет!

Пишу тебе письмо, Колязюга, от руки, на бумаге. Знаю, ты удивишься: зачем, когда есть мессенджеры, телесовые, сторис? Но именно поэтому пишу. Потому что хочу, чтобы ты почувствовал: я думаю о тебе дольше, чем три секунды.

Помнишь, как мы сидели у тебя на даче прошлым летом до двух ночи? Твоя мама купила чай, который никто не пил, потому что было не до чая. Мы спорили, отан, есть ли смысл уезжать из города, и ты вдруг замолчал на полуслове. Я не спросил зачем — просто придвинул кружку ближе к тебе. Ты понял. Я понял, что ты понял. И этого было достаточно.

Вот этого в сообщениях не бывает.

Я не против цифрового мира. Я сам каждый день листаю ленту, смотрю рилсы, отвечаю в чатах. Иногда кажется, что я очень занят общением. А потом вечером ложусь и думаю: а с кем я сегодня разговаривал? И оказывается, что на скел, я реализовал. Сайкал, отписывал "ок" и "понял", пересылал чемы. Это не разговор. Это кам-кам без смысла.

Живое общение неудобное. В нём нельзя пос-

мавить паузу, подобрать идеальную фразу, удалить то, что уже сказал. Оно требует при-
суждения — не онлайн-статуса, а настоящего.
Когда человек напропал краснеет, смотрит в
сторону или смеется невпопад — это и есть инфор-
мация, которую никакой смайлик не передает.
Мы читаем друг друга всеми телом, всей инто-
нацией. Миллионы лет эволюции научили нас
этому языку, и мы добровольно от него отказыва-
емся ради удобства.

Пашинато, почему. Умороное общество безопас-
нее. Можно не смотреть в глаза. Можно не от-
вечать сразу. Можно быть чуть друшм: лучше
притисанным, остроумнее, спокойнее. Но в этой
безопасности есть ловушка: ты всё реже учишься
быть настоящим. Привыкаешь к версии себя,
которую можно отредактировать перед отправкой.
А живой человек не редактируется. И это не не-
достаток. Это и есть он сам.

Я недавно читал, что одиночество стало одной из
главных проблем нашего времени. Странно, правда?
Никогда в истории люди не были так «на связи» и
никогда так одиноки. Мы окружены уведомлениями,
подписчиками, реакциями. Но все это — мени-общения,
не само общение. Мень не согреет. Мень не скажет

тебе правду в лицо. Темь не призывает кружку с чаем.

Есть вещи, которые передаются только вживую. Поддержка: не "держишь", а рука на плече в нужной момент. Радость: не "круто!!!", а смех, который кончается у одного и заражает другого раньше, чем тот понял, над чем смеется. Прощение: не "всё ок", а пауза, взгляд, что-то кривое, что вы оба чувствуете и никак не называете, но оно есть. Именно оно и называется мир.

Я не призываю ударить все приложения и писать кусинным пером. Но я прошу тебя и себя не забывать активность в сети с близостью. Не считать переписку дружбой только потому, что она ежедневная. Не забывать, что за каждым аватаром — живой человек, которому иногда нужно просто, чтобы ты пришёл.

Поэтому пишу письмо. Поэтому предлагаю: давай встретимся. Не созвонимся — встретимся. Сядем. Пусть будет кривое молчание в начале, пусть будет холодный чай. Пусть мы скажем что-нибудь не то — это и называется живой разговор. В нём нет редактуры. Зато есть ты.

Ещё я вложил в конверт два предмета, которые будут напоминать тебе обо мне и наших разговорах

вживую. 1. Эту птицу я сложил сам. Мои руки
помнят каждую складку. В отличие от знобу,
которого коснулся только экран, этот журав-
лик помнит тепло моих пальцев. Он летит к
тебе через реальный мир, а не через интернет.
Пусть напоминает, что настоящая дружба не в
сообщениях, а в том, что мы делаем друг для друга
руками и сердцем. 2. Две скрепки — это мы. Но от-
дельности мы просто кусочки металла. Когда мы
соединены — мы держимся. Интернет может
отключиться, аккаунт может исчезнуть, но связь
которая скреплена настоящей дружбой, не
разорвётся никогда. Эти скрепки — символ нашей
связи. Только она не в облаке, а здесь, в твоих руках.

Мой ответ.

Твой Макар.

г. Кошлѐв, апрель 2026 г.

